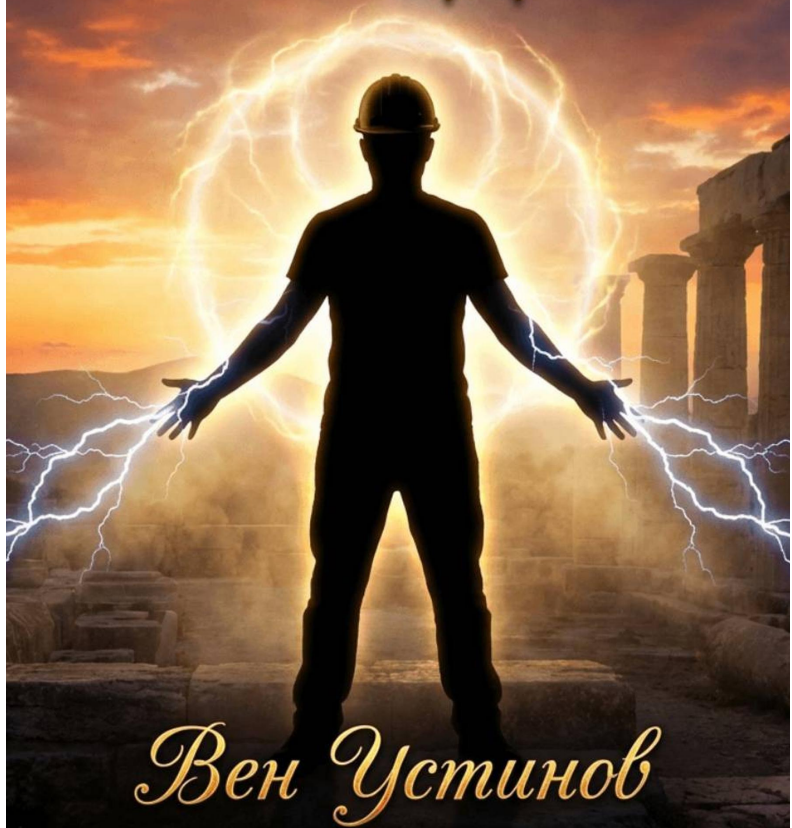

ПРОВОДНИК

Вен Устинов

Вениамин Устинов

Проводник

<https://litres.ru/74461707>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он чинит проводку в поселковой больнице и разговаривает с проводами.

Он думает, что его место — только у распределительных щитков.

Но однажды электрик Владислав едет в Аркаим — древний город в уральских степях, где, по слухам, сходят с ума или обретают силу. Там, на рассвете, солнце входит в него не просто как свет, а как субстанция. Как ток, текущий по жилам самой Земли.

Возвращаясь домой, Влад обнаруживает, что видит больше, чем положено простому смертному. Он видит, как бежит энергия в проводах и в людях. Он видит ауры, как разноцветное сияние. Он чувствует больные места в теле так же отчётливо, как перегоревшую лампочку.

Теперь его рабочий инструмент — не только пассатижи и изолента, но и ладони, наполненные солнечным светом. Теперь он лечит. По доброте душевной. Тайком. Не прося денег и не требуя славы.

Но дар — это не только благословение. Это ещё и напряжение, которое нужно выдержать. Можно ли остаться просто электриком, если ты стал Проводником?

Содержание

Глава 1. Короткое замыкание быта	5
Глава 2. Ржавчина и звёзды	15
Глава 3. Земля, где ток течёт иначе	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Вениамин Устинов

Проводник

Глава 1. Короткое замыкание быта

Лампочка в коридоре моргала уже третью неделю.

Владислав шёл на этот вызов как на казнь — не потому, что лень, а потому, что знал: заменишь одну, через два дня перегорит соседняя. Бесконечная белка в колесе. Тридцать пять лет, а жизнь похожа на короткое замыкание: всё то же самое, только искрит сильнее с каждым годом.

— Вла-а-ад! — голос старшей медсестры Марьи Ивановны пробивал бетонные стены лучше перфоратора. — Ты где ходишь? У нас в процедурной свет моргает, бабки пугаются!

— Иду, иду, — буркнул он, затягиваясь сигаретой у запасного выхода.

Последнюю затяжку сделал глубоко, с каким-то даже отчаянием. Выдохнул дым в серое небо. Больница стояла на окраине посёлка Городище — сто пятьдесят домов, магазин, школа, клуб, который уже пять лет как не работал, и эта двухэтажная коробка из силикатного кирпича, где люди рождались, болели и умирали. А он менял лампочки.

— Электрик, блин, — сказал он сам себе и затушил окурок в жестяную банку из-под тушёнки.

В процедурной его уже ждали. Три бабки на кушетках, врачиха Ирина Сергеевна с вечно недовольным лицом и та самая лампочка — старая, советская, с жёлтым цоколем. Она моргала в ритме, похожем на азбуку Морзе: короткая-короткая-длинная. Как будто звала кого-то.

— Щас, — сказал Влад, стянул куртку и полез на табуретку.

— Осторожнее только, — проворчала Ирина Сергеевна. — Там розетка искрит.

— Розетки не искрят, — привычно ответил Влад. — Это контакт отошёл.

Он выкрутил лампочку, вкрутил новую. Свет загорелся ровно, без моргания. Бабки одобрительно закивали.

— Золотые руки у парня, — сказала одна, та, что в синем халате. — А женат ты?

— Не успел, бабуль, — усмехнулся Влад.

— А ты успевай. Время-то идёт. Вон, мне семьдесят пять, а я помню, как в войну...

Влад не дослушал. Вышел в коридор, достал новую сигарету, но не закурил — завертел в пальцах. Мысли полезли тяжёлые, как ртуть.

«Что я вообще делаю? — подумал он. — Встаю в шесть, еду на работу, меняю лампочки, чиню щитки, розетки, паяю провода. Вечером — ужин, сто грамм для аппетита, сериал, спать. И так десять лет. И ещё двадцать пять до пенсии. А потом — гроб. И ради чего?»

Он засунул сигарету обратно в пачку. Не хотелось.

В коридоре запахло борщом — это из столовой тянуло. Влад пошёл на запах, потому что делать всё равно было нечего: вызовов больше нет, щитки все проверил, заземление в подвале в порядке. Даже скучно стало.

— Влад! — окликнул его участковый терапевт Коля Смирнов, молодой ещё, в очках с толстыми стёклами. — Ты в шестую палату зайди, там мужик один жалуется, что свет в ночнике не работает. Давно лежит, скучно ему, читать хочет. — Ладно, зайду.

Влад взял запасную лампочку и побрёл в шестую. Это была палата для хронических — тех, кто доживал. Тяжёлые, лежачие, с мутными глазами и остановившимся временем. Влад не любил туда ходить. Не потому, что боялся смерти — а потому, что видел в этих глазах вопрос: «А ты следующий?»

Мужик лежал на кровати у окна. Худой, с седой щетиной, руки в синих венах. Лет под семьдесят, но глаза — живые, острые.

— Здорово, дед, — сказал Влад, присаживаясь на табуретку возле ночника. — Говоришь, свет не горит?

— Не горит, сынок, — голос у старика был тихий, но какой-то... звенящий, что ли. Как натянутая струна. — Ты посмотри. Может, лампочка перегорела.

Влад выкрутил старую, вкрутил новую. Свет загорелся — тусклый, жёлтый, но живой.

— Вот и всё, — сказал Влад, убирая отвёртку. — Читайте на здоровье.

— погоди, — старик вдруг схватил его за рукав. Пальцы — слабые, но цепкие. — Ты не спеши. Посиди со мной.

— Мне работать надо, — неуверенно сказал Влад.

— Нароботаешься. А я тут один. Внуки в городе, правнуки не помнят. Только ты зашёл. Посиди.

Влад вздохнул и сел обратно на табуретку. Тишина в палате стояла плотная, как вата. Только часы на стене тикали и где-то вдали капал кран.

— Скучно тебе, — сказал Влад, чтобы что-то сказать.

— Скучно, — согласился старик. — И страшно.

— Чего боишься?

— Не смерти. Смерти я не боюсь. Я боюсь, что зря прожил. — Старик повернул голову и посмотрел Владу прямо в глаза. — А ты не боишься, сынок?

Влад хотел ответить что-то бодрое, типа «я ещё молодой», но слова застряли в горле. Потому что этот старик смотрел так, будто видел насквозь — видел пустоту внутри, которую Влад заливал сто граммами по вечерам, закуривал сигаретами, заглушал сериалами.

— Боюсь, — тихо признался Влад. — Иногда.

— Не иногда, а всегда, — старик усмехнулся. — Просто ты привык. Как лампочка моргает — привыкаешь, что темно. А надо не привыкать. Надо искать.

— Что искать?

— Смысл. Искру. Ту, что не гаснет. — Старик кашлянул, откашлялся в платок. — Ты где работаешь, сынок?

— Здесь. Электриком.

— Электрик, значит. Провода, лампочки, ток. А знаешь, что такое ток на самом деле?

— Физика, — пожал плечами Влад. — Напряжение, сопротивление, закон Ома.

— Э-э, нет, — старик покачал головой. — Ток — это жизнь. Всё течёт. И кровь по жилам, и вода в реке, и солнце по небу. А вы, электрики, только провода чините. А проводку внутри себя кто чинить будет?

Влад молчал. Станный дед. Наверное, от одиночества или болезни поехавший. Но в глазах у него было что-то такое... знакомое. Как будто Влад уже видел этот взгляд. Во сне? Или в зеркале?

— Ты вот что, сынок, — старик заговорил тише, почти шёпотом. — У тебя отпуск скоро?

— Через месяц.

— А съезди ты в одно место. Называется Аркаим. В Челябинской области, протогород древний. Там земля гудит. Там воздух звенит. Там ты сможешь пробудиться.

— Пробудиться? — Влад усмехнулся. — Я и так не сплю.

— Спишь, — твёрдо сказал старик. — Крепко спишь. Как все. А там — проснёшься. Увидишь то, что раньше не видел. Почувствуешь то, что забыл. Главное — не бойся. Иди в центр круга, сядь лицом к солнцу. И слушай.

— Дед, ты из какой секты? — спросил Влад, пытаясь перевести в шутку. Но голос дрогнул.

— Ни из какой, — старик откинулся на подушку и закрыл глаза. — Я из жизни. Которую почти не прожил. А ты ещё можешь. Поезжай. Не пожалеешь.

Через минуту он засопел — уснул, или сделал вид. Влад постоял, посмотрел на его морщинистое лицо, на руки, сложенные на груди, и почему-то почувствовал, что внутри шевельнулось что-то тёплое. Маленькое, слабое — как та лампочка, которую он только что вкрутил.

— Ладно, — сказал он тихо. — Подумаю.

Вышел в коридор. Достал сигарету. Закурил — уже не прячась, прямо у окна, выпуская дым в щель.

«Аркаим, — подумал он. — Что за хрень?»

В голове крутились слова старика: «Там ты сможешь проснуться». И почему-то не хотелось смеяться. Не хотелось списывать на старческий маразм. Потому что когда дед говорил, у Влада по спине бежали мурашки — не от холода, а от чего-то другого. От узнавания.

Вечером он сидел на кухне.

Квартира у Влада была обычная — двухкомнатная в хрущёвке, с жёлтыми обоями, скрипучим полом и холодильником, который гудел как старый трансформатор. На столе — тарелка с гречкой, котлета из столовой, рюмка водки. И собака под столом — Шарик, двортерьер с отвислым ухом и умными глазами.

— Ну что, Шарик, — сказал Влад, наливая водку. — За жизнь?

Шарик вильнул хвостом.

Влад выпил. Котлету разломил пополам — половину себе, половину собаке.

— Сегодня дед один странный был, — заговорил он, жуя. — Говорит, в Аркаим поезжай, пробудись. А я вот думаю — зачем? Что я там не видел? Степь, камни, туристы с фотоаппаратами. Я человек простой. Мне бы розетку починить, лампочку заменить, заземление проверить. А тут — протогород какой-то. Секта, наверное.

Шарик жевал котлету и внимательно слушал. Влад ему часто рассказывал — собаке не стыдно, не осудит.

— Но ведь интересно же, — продолжил он, наливая вторую рюмку. — Почему именно мне? Я же никто. Электрик поселковый. Даже не мастер спорта, не депутат. А этот дед смотрит так, будто я ему внук родной. Или ещё кто. — Он помолчал, покрутил рюмку в пальцах. — Может, правда съездить? Отпуск через месяц. Денег немного есть. Съезжу, посмотрю. Хуже не будет.

Он выпил вторую. Гречка кончилась, котлета тоже. Влад закурил прямо на кухне — форточку открыл, чтоб дым вытягивало. Шарик улёгся у ног и засопел.

За окном темнело. Посёлок затихал — только редкая машина проедет да собаки лают в отдалении. Влад смотрел на тусклую лампочку под потолком и вдруг заметил: она мига-

ет. Совсем чуть-чуть, на грани видимости. Как будто не хочет гореть, но и не хочет гаснуть.

— Тоже мне, — сказал Влад. — Короткое замыкание быта.

Он поднялся, подошёл к окну. В стекле отразился его собственный силуэт — тридцать пять лет, лёгкая небритость, мешки под глазами, взгляд усталый. Обычный мужик. Обычная жизнь. Обычные мысли.

Но внутри — что-то ёкнуло.

Он вспомнил слова старика: «Ты сможешь пробудиться». И вдруг представил, как едет в эту степь, садится на камень, закрывает глаза. А потом — открывает. И видит мир по-другому. Каким — другим?

— Бред, — сказал он громко. — Старый маразматик.

Но руки уже тянулись к телефону. Влад открыл браузер, набрал: «Аркаим как добраться».

Экран засветился голубым. Результатов было много — про древний город, про аномальные зоны, про шаманов и йогов. Влад пролистал несколько статей, потом наткнулся на форум, где люди писали: «После поездки в Аркаим у меня открылся третий глаз», «Я стал видеть энергию», «Там место силы, поезжайте».

— Психбольные, — прокомментировал Влад и закрыл браузер.

Но телефон отложил не сразу. Подержал в руке, покрутил. Потом открыл карту, проложил маршрут: «Городище — Ар-

каим». Три пересадки, автобус, потом такси. Дорога — полдня.

— Не поеду, — сказал он твёрдо.

Шарик вздохнул во сне.

Влад выключил свет. Лампочка, прежде чем погаснуть, моргнула ещё раз — длинно-коротко-длинно. Как будто передала сигнал.

— Иди ты, — сказал Влад и пошёл спать.

Но в кровати долго ворочался. В голове крутилось: «Съезди в Аркаим, там сможешь пробудиться». И где-то в груди — не в сердце, а чуть ниже, в солнечном сплетении — тепло. Маленькая искра. Слабая, робкая. Но она была.

И Влад понял: поедет.

Не потому, что верит старику. Не потому, что хочет приключений. А потому, что если не поедет — так и будет всю жизнь менять лампочки, пить по вечерам, разговаривать с собакой и думать: «А ради чего всё?»

А так — хоть надежда.

— Ладно, — прошептал он в темноту. — Через месяц. В Аркаим. Будь что будет.

И провалился в сон — без снов, тяжёлый, как заземление.

Но снилось ему всё-таки что-то. Голос старика из шестой палаты, только громче: «Не бойся, Влад. Ток не убивает. Ток пробуждает. Главное — не разорви цепь».

А под утро приснилось солнце. Огромное, золотое, пульсирующее как сердце. И лучи от него тянулись — к каждому

камню, к каждому дереву, к каждому человеку. И один луч — тонкий, дрожащий — тянулся к Владу. Прямо в грудь.

Он проснулся в пять утра. Сердце колотилось. На лбу — пот. А в комнате горел свет — ночник, который он никогда не включал.

— Чудеса, — прошептал Влад и выключил его.

Встал, пошёл на кухню, налил чай. За окном ещё темно, только фонарь мигает — его работа, не до конца починил. Влад посмотрел на него, и вдруг — на секунду — показалось, что он видит, как ток бежит по проводам. Не умом понимает, а реально видит: тонкие голубые нити, пульсирующие в такт чему-то далёкому.

— Спятил, — сказал он и моргнул.

Видение исчезло. Только фонарь моргал по-прежнему.

— Аркаим, — сказал Влад. — Твою мать.

Он допил чай, закурил сигарету, погладил проснувшегося Шарика.

— Ну что, друг, — сказал он собаке. — Кажется, я собираюсь в отпуск. А ты пока у соседки поживёшь. Не скучай.

Шарик лизнул его в ладонь.

А Влад смотрел на восток, где за лесом медленно светлело небо. И чувствовал — всем телом чувствовал — что этот день не такой, как вчера. Что-то началось. Что-то включилось.

Короткое замыкание быта кончилось.

Начиналось пробуждение.

Глава 2. Ржавчина и звёзды

На следующее утро Влад проснулся с чётким ощущением, что вчерашний вечер был не с ним. Или с ним, но будто с кем-то другим — более доверчивым, наивным, готовым поверить в сказки про древние города и пробуждение.

— Дурак ты, Влад, — сказал он своему отражению в зеркале. — Совсем дурак.

Отражение согласно кивнуло. Мешки под глазами стали глубже, щетина жёстче, взгляд — усталым, как всегда.

Он умылся, сварил кофе — растворимый, три ложки на кружку — и сел за стол. Напротив сидел Шарик с выражением «ну что, надумал?».

— Никуда я не еду, — твёрдо сказал Влад. — У меня работа. Отпуск через месяц, да. Но я лучше в Омск съезжу, к брату. Или на речку поеду, удочки куплю. А этот Аркаим... — он поморщился. — Секта какая-то, честное слово. Старый дед голову заморочил.

Шарик моргнул, но ничего не ответил. Собаки — они умные, они знают, когда лучше промолчать.

Влад допил кофе, закурил — первую за день, самую горькую, самую необходимую. И пошёл на работу.

День начался как обычно. Вызов в родильное отделение — перегорел предохранитель. Потом в аптеку — заземление отвалилось. Потом в администрацию — главврач жало-

валась, что компьютер моргает.

— Он не моргает, — объяснил Влад, залезая под стол. — Это у вас питание скачет. Трансформатор на подстанции старый.

— А ты почини, — сказала главврач.

— Трансформатор? Я электрик, а не волшебник.

— А кто волшебник? — главврач вздохнула. — Ладно, работай.

Влад починил компьютер — просто переставил шнур в другую розетку. Главврач не заметила. Сказала спасибо и дала направление на обед — бесплатный суп в столовой.

В столовой он встретил Колю Смирнова — молодого терапевта в очках. Коля ел гречку с котлетой и листал телефон.

— Слушай, — сказал Влад, подсаживаясь. — Ты в шестую палату заходил сегодня?

— Заходил. А что?

— Там дед один... Ну, который у окна лежит. Он как?

Коля поднял глаза от телефона и как-то странно посмотрел.

— Какой дед? В шестой палате только бабки. И одна тётка с инсультом. Мужиков там нет уже неделю.

Влад замер с ложкой у рта.

— Как нет? А который читал? Худой такой, с седой щетиной?

— Влад, — Коля отложил телефон. — Я тебе точно говорю: в шестой палате одни женщины. Последний мужик вы-

писался в прошлый четверг. Ты что, обознался?

Влад положил ложку. Во рту пересохло.

— Я вчера к нему заходил. Лампочку менял. Он со мной говорил. Про Аркаим.

Коля пожал плечами:

— Не знаю, что тебе сказать. Может, ты в пятую зашёл? Там да, есть мужик, Палыч, семьдесят два года, сердечник.

— Нет, — покачал головой Влад. — Точно в шестую. У окна. — Он замолчал, потом спросил: — А Палыч как выглядит?

— Нормально. Лысый, в очках, бородавка на носу.

— Не он, — выдохнул Влад. — Совсем не он.

Он встал из-за стола, забыв про суп. Коля окликнул его, но Влад уже вышел в коридор и почти бегом направился в шестую палату.

Дверь была открыта. Внутри — три кровати. На первой — бабка Марфа, спит. На второй — пусто, простыни застираны, тумбочка пустая. На третьей — тётка с инсультом, смотрит в потолок.

Никакого деда. Ни следов, что он там лежал.

Влад подошёл к кровати у окна — той самой, где вчера сидел старик. Потрогал простыню. Холодная. Подушка без вмятины.

— Не может быть, — прошептал он.

Вышел в коридор, нашарил в кармане сигареты. Руки дрожали. Закурил прямо у окна, хотя знал, что нельзя. Выдох-

нул дым и почувствовал, как внутри поднимается паника — не громкая, а тихая, как затаившийся зверёк.

«Кто это был? — думал он. — Призрак? Галлюцинация? Может, я вчера выпил лишнего? Но я же не пил. Ну, сто грамм, не больше».

Он вспомнил лицо старика. Живое, морщинистое, с умными глазами. Руку, которая схватила за рукав. Пальцы — слабые, но цепкие. И голос: «Съезди в Аркаим, там сможешь пробудиться».

— Бред, — сказал Влад вслух. — Полный бред.

Но внутри что-то щёлкнуло. Как выключатель. Как предохранитель, который выбило, а потом включилось обратно. Щелчок был физический — в груди, в районе солнечного сплетения.

Влад замер. Прислушался к себе.

— Странно, — прошептал он.

Весь день работал как автомат. Заменял три лампочки, починил розетку в ординаторской, проверил заземление в подвале. Но мысли были не о работе. Они крутились вокруг одного: «Кто этот старик? И зачем он мне про Аркаим сказал?»

К вечеру Влад созрел для разговора с начальником.

Начальником был дядя Вася — мужик лет пятидесяти пяти, бывший электрик, который выбился в завхозы. Сидел он в своей каморке на первом этаже, пил чай с баранками и смотрел телевизор.

— Дядя Вась, — сказал Влад, заходя. — Мне отпуск нужен. Через месяц.

— А в чём проблема? Бери. Ты не брал два года. Надо — бери.

— Я возьму. Но я... — Влад замялся. — Я хочу съездить в одно место. В Аркаим. Слышали про такое?

Дядя Вася оторвался от телевизора. Посмотрел на Влада долгим взглядом.

— Слышал, — сказал он. — Туристы ездят. Говорят, место силы. Ты-то чего там забыл?

— Не знаю, — честно признался Влад. — Посоветовали. — Кто?

— Один... человек. Старик. Из больницы.

— Из нашей? — дядя Вася нахмурился. — Кто такой?

— Не знаю. Я его больше не видел.

Дядя Вася помолчал. Потом вздохнул, отломил баранку и сказал:

— Слушай, Влад. Ты мужик хороший, руки золотые. Но ты не ищи лёгких путей. Аркаим — это не для простых электриков. Там шаманы, йоги, всякие... просветлённые. Ты-то зачем?

— Хочу понять, — Влад поднял глаза. — Зачем я живу. Дядя Вася поперхнулся чаем.

— Ох, молодёжь, — покачал он головой. — Раньше мы не задавались такими вопросами. Работали, детей растили, водку пили. А сейчас — смысл жизни, просветление. Тьфу.

— А вы не хотите понять?

— А зачем? — дядя Вася пожал плечами. — Смысл жизни — в самой жизни. Починил розетку — уже смысл. Свет загорелся — люди рады. Чего ещё?

— Мало, — тихо сказал Влад.

Дядя Вася посмотрел на него и вдруг стал серьёзным.

— Знаешь что, Влад? Езжай. Раз надо — езжай. Только обещай мне одно.

— Какое?

— Не потеряй себя. Там такие люди бывают... голову заморочат, в секту затянут, а ты простой парень. Добрый. Не дай себя сломать.

— Не дам, — пообещал Влад.

Вышел от дяди Васи с чувством, что сделал первый шаг. Не к Аркаиму даже — а к чему-то большему. К решению.

Вечером он сел за телефон и начал искать билеты.

— Поезд до Челябинска, — бормотал он. — Потом автобус до Магнитогорска, потом такси. Или сразу автобусом? Дорого. А есть прямой?

Шарик лежал рядом, положил голову на лапы, и внимательно смотрел на хозяина.

— Ты чего смотришь? — спросил Влад. — Думаешь, зря?

Шарик вильнул хвостом. Это могло означать и «да», и «нет», и «не знаю».

— Ладно, — вздохнул Влад. — Куплю билет. А там будь что будет.

Он купил. Поезд через месяц, плацкарт, верхняя полка. Дешево и сердито.

Ночью он долго не мог уснуть. Ворочался, смотрел в потолок, слушал, как холодильник гудит и где-то на улице лают собаки. Потом встал, подошёл к окну.

Ночь была звёздной — чистой, прозрачной, как родниковая вода. Влад смотрел на звёзды и вдруг вспомнил: а ведь дед сказал не только про Аркаим. Он сказал ещё что-то. Что-то важное.

«Ты сможешь пробудиться. Увидишь то, что раньше не видел. Почувствуешь то, что забыл».

— Что я забыл? — прошептал Влад. — Я ничего не забывал. Я всё помню. Как отец умер, когда мне было десять. Как мать работала на двух работах. Как я в ПТУ учился на электрика. Как женился — и развёлся через два года, потому что не сошлись характерами. Как сейчас живу один, с собакой.

Он закурил прямо у окна. Вдохнул — выдохнул. Дым поплыл в звёздное небо.

— Какой смысл в этой жизни? — спросил он у звёзд. — Лампочки менять? Розетки чинить? А потом — пенсия, старость, смерть?

Звёзды молчали.

Но когда Влад уже собрался отойти от окна, он вдруг заметил странное свечение. Над горизонтом, где-то за лесом, небо чуть светилось — не так, как от города, а как-то иначе, зеленовато-голубым.

— Полярное сияние? — удивился он. — В нашей полосе? Не может быть.

Он потёр глаза. Свечение не исчезало. Более того — оно начало двигаться, перетекать, собираться в спираль.

— Это глюки, — сказал Влад. — Недосып. Надо спать.

Он лёг в кровать, закрыл глаза. Но сон не шёл. В голове крутились обрывки мыслей: старик, Аркаим, билет, звёзды, спираль.

— Завтра скажу соседу, — решил Влад. — Он мужик простой, без глупостей. Посоветует.

И уснул.

Приснился ему сон.

Он стоял посреди пустого поля. Ни деревьев, ни домов — только трава под ногами и огромное чёрное небо над головой. И по этому небу плыли огни — не звёзды, нет. Электрические искры. Голубые, золотые, белые. Они кружились, переливались, сталкивались друг с другом и разлетались с тихим звоном.

Влад смотрел на них и чувствовал, как внутри отзывается что-то знакомое. Как будто эти искры — часть его. Как будто он сам когда-то был такой искрой.

А потом искры начали складываться в спираль. Медленно, плавно, как будто их кто-то вёл. Спираль закручивалась — сначала маленькая, потом всё больше, больше, пока не заняла полнеба.

— Что это? — спросил Влад.

Никто не ответил. Но он вдруг понял: это — путь. Дорога. Та, по которой надо идти.

— Куда?

И тут из центра спирали вылетела одна искра — яркая, золотая, горячая. Она летела прямо на Влада, росла на глазах, и когда уже почти коснулась его груди — он проснулся.

В комнате было светло. Утро. Солнце лезло в окно, слепило глаза. Шарик сидел на кровати и смотрел на хозяина.

— Ты чего? — спросил Влад хрипло.

Шарик тявкнул.

Влад сел. Сердце колотилось как бешеное. На лбу — пот. А в груди — тепло. То самое, которое он почувствовал вчера после разговора со стариком.

— Сон, — сказал он. — Просто сон.

Но пальцы дрожали, когда он наливал кофе.

В тот же день он встретил соседа.

Сосед был дядька Гриша — бывший водитель, теперь на пенсии, вечно в трениках и с удочкой. Они сидели на скамейке у подъезда — Влад курил, Гриша нюхал табак.

— Гриш, — сказал Влад. — Ты слышал про Аркаим?

— А то! — Гриша оживился. — Там место такое, древний город. Говорят, инопланетяне построили. Или древние славяне. Там башни, стены, всё по кругу. Я в прошлом году хотел съездить, да денег не хватило.

— А зачем тебе?

— Как зачем? — Гриша удивился. — Говорят, там здоро-

вье поправляют. У меня спина болит, радикулит. А там — садишься на камень, и всё проходит.

— Веришь?

— Не знаю, — честно сказал Гриша. — Но попробовать хочется. А ты чего? Собрался?

— Собрался, — кивнул Влад. — Через месяц.

— Один?

— Один.

— Ну, — Гриша похлопал его по плечу. — Молодец. Хоть кто-то в нашей дыре решился. А то сидим тут, лампочки меняем, водку пьём, а жизнь мимо проходит.

Влад посмотрел на соседа. Обычный мужик, пенсионер, с радикулитом и табаком. А говорит правильные вещи.

— Спасибо, Гриш, — сказал Влад.

— За что?

— За поддержку.

— Да ладно, — махнул рукой Гриша. — Ты главное — не пей там. И в секту не вступай. А если увидишь инопланетян — привет передавай.

Они рассмеялись. Но смех у Влада вышел нервным.

Последняя неделя перед отпуском тянулась как резина. Влад работал, менял лампочки, чинил розетки, проверял заземление. Но всё делал как-то иначе — будто внутри горела маленькая лампочка, которая давала свет туда, куда раньше не попадало.

Он заметил, что стал лучше видеть в темноте. И слышать

— как гудят провода за стенами. И чувствовать — когда у пациента в палате плохая энергия.

— Это всё нервы, — успокаивал он себя. — Самовнушение.

Но вечером перед отъездом, собирая рюкзак, он вдруг взял в руки старую лампочку — ту самую, которую выкрутил в шестой палате. Он не знал, зачем сохранил её. Просто положил в карман, когда вышел, и забыл.

А теперь держал в руках и смотрел на цоколь.

Лампочка была обычная, старая, накаливания. Но когда Влад поднёс её к уху, он услышал — или ему показалось? — слабый гул. И шёпот.

«Приезжай, — шептал кто-то. — Мы ждём».

Влад положил лампочку в рюкзак.

— Ну всё, — сказал он Шарику. — Завтра еду. Ты у соседки поживёшь. Не скучай.

Шарик лизнул его в руку.

Ночью Влад опять смотрел на звёзды. Но теперь они не казались ему далёкими и холодными. Они мерцали в такт его сердцу. И где-то над горизонтом снова закручивалась спираль — из электрических искр, из света, из надежды.

— Я еду, — прошептал Влад. — Зачем — не знаю. Но еду.

Он лёг спать. И впервые за много лет не боялся завтрашнего дня.

Глава 3. Земля, где ток течёт иначе

Автобус трясло так, будто он извинялся за дешевизну билета.

Влад сидел у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрел, как пейзаж за окном меняется от привычных перелесков до совершенно дикой степи. Дорога стала хуже — ямы, колдобины, гравий, который стучал по днищу как барабанная дробь.

— Скоро, — сказал водитель, не оборачиваясь. — Километров пятнадцать осталось.

В пассажирах было человек десять. Две женщины в спортивных костюмах — явно туристки из города, говорили про чакры и рейки. Парень с дредами, в футболке «Омск — город ангелов», спал с открытым ртом. И старушка с огромным рюкзаком — она сидела впереди и всю дорогу читала молитвы.

Влад чувствовал себя лишним. Обычный мужик в куртке из «Спортмастера», с рюкзаком, набитым тушёнкой, хлебом и запасными носками. Ни чакр, ни рейки, ни дредов. Только отвёртка в боковом кармане — на всякий случай.

— Приехали, — объявил водитель и заглушил двигатель. Тишина ударила в уши.

Влад вышел из автобуса и замер.

Воздух... воздух был другой. Не как в городе, не как в по-

сёлке. Он звенел. Буквально звенел — как струна, которую только что задели. Влад никогда не слышал ничего подобного. Тишина, но в этой тишине — гул. Высокочастотный, едва уловимый, как будто где-то рядом работала огромная подстанция.

— Мать честная, — прошептал он.

Волосы на руках встали дыбом. Не от холода — от статики. Влад потрогал дверцу автобуса — ударило током. Слабенько, но ощутимо.

— Осторожнее, — сказала одна из женщин в спортивных костюмах. — Здесь земля заряжена. У многих искрит.

— Искрит, — повторил Влад, потирая пальцы.

Перед ним расстилалась степь — жёлто-зелёная, бесконечная, с редкими кустами и чёткими следами древних укреплений. Вдали виднелись земляные валы, образующие круг. Аркаим. Протогород, который построили четыре тысячи лет назад. Или больше. Никто точно не знал.

— Группа, за мной! — экскурсовод, девушка лет двадцати пяти в льняном платье и с указкой в руке, махнула рукой. — Идём по тропе, никуда не сворачиваем. Место священное, можно заблудиться в пространстве.

— В пространстве? — переспросил Влад.

— Да, — серьёзно ответила девушка. — Здесь координаты ведут себя странно. Люди ходят по кругу и не могут выйти.

Влад хотел пошутить, но не стал. Потому что сам почув-

ствовал: стоит отойти от тропы на пару метров — и ориентиры плывут. Холм, который был слева, оказывался справа. Небо становилось бледнее.

Он шёл за группой и смотрел по сторонам. Земля под ногами была плотной, утоптанной тысячелетиями. Трава — жёсткая, пахучая, с каким-то особенным, горьковатым запахом. И всё время — этот звон. В ушах, в висках, в груди.

— Сейчас мы войдём внутрь протогорода, — рассказывала экскурсовод. — Аркаим — это не просто древнее поселение. Это обсерватория. Календарь. Храм. Наши предки знали астрономию, математику, инженерное дело. Они строили по правилу золотого сечения. Здесь всё подчинено космическим ритмам.

— А зачем им это было? — спросил кто-то из группы.

— Чтобы жить в гармонии с миром. Чтобы видеть то, что мы разучились видеть. Чтобы слышать то, что мы забыли.

Влад слушал вполуха. Его внимание приковала земля. Она... пульсировала. Едва заметно, но пульсировала. Как большая жила. Или сердце.

— Вот мы и в центре, — сказала экскурсовод, останавливаясь на ровной площадке. — Это главный круг. Встаньте лицом к солнцу. Закройте глаза. Почувствуйте.

Группа замерла. Женщины в спортивных костюмах прикрыли глаза и блаженно улыбнулись. Парень с дредами сел в позу лотоса. Старушка зашептала молитвы.

А Влад стоял и смотрел.

Сначала ему показалось, что у него двоится в глазах. Потом — что солнце светит слишком ярко. Потом — что он спит.

Потому что над камнями — прямо над земляными валами, над травой, над головами людей — струился голубоватый свет.

Он не был похож на солнечный. Не был похож на электрический. Он был жидким и в то же время газообразным — как дым, но светящийся, переливающийся, пульсирующий в такт пульсу Влада.

— Этого не может быть, — прошептал он.

Потёр глаза. Свет не исчезал.

Закрыв глаза — и сквозь веки видел его. Открыл — и он стал ярче. Голубовато-золотистый, тёплый, он струился отовсюду — из земли, из камней, из воздуха, из самого Влада.

— Эй, — позвал он экскурсовода. — Вы это видите?

— Что именно? — улыбнулась девушка.

— Свет. Голубой. Над камнями.

Экскурсовод посмотрела на него внимательно и сказала:

— Видят не все. Но те, кто видит — остаются здесь навсегда. Или увозят часть Аркаима с собой.

— Я не понимаю, — растерянно сказал Влад. — У меня галлюцинации?

— А ты проверь, — посоветовала девушка. — Потрогай камень.

Влад подошёл к ближайшему валуну — тёмному, шерша-

вому, нагретому солнцем. Положил ладонь.

И отпрянул.

Камень был тёплый. Но не от солнца — от чего-то другого. Изнутри него шла вибрация, как от работающего мотора. И в этой вибрации Влад различил... слова? Нет, не слова. Ощущения. Картинки. Древние, смутные, как воспоминания из прошлой жизни.

— Что это? — спросил он никого конкретно.

— Это память земли, — ответила старушка, которая читала молитвы. — Она здесь всё помнит. Каждый шаг, каждую мысль, каждую каплю крови. И делится с теми, кто готов.

— Я не готов, — испуганно сказал Влад.

— А раз приехал — значит, готов. — Старушка улыбнулась беззубым ртом и отвернулась.

Влад отошёл в сторону. Сел на траву, обхватил колени руками. Голова кружилась. Перед глазами всё плыло — и реальность, и тот странный голубой свет, который не исчезал ни на секунду.

«Я спятил, — подумал он. — Точно спятил. Дед в больнице, лампочка, сон со спиралью — всё это было начало. А теперь я окончательно съехал с катушек».

Он посмотрел на свои руки. Обычные руки — в мозолях, с заусенцами, с застарелым маслом под ногтями. Но сейчас под кожей — ему казалось — пульсировал слабый золотистый свет.

— Мне это не нравится, — сказал он громко.

— Привыкнешь, — ответил парень с дредами, не открывая глаз. — У меня первые три дня тоже ломка была. А потом — кайф.

— Какой кайф? — не понял Влад.

— Видишь энергию? — парень наконец открыл глаза — мутные, с красными белками. — Это прана. Жизненная сила. Раньше ты её не видел, а теперь видишь. Поздравляю, ты проснулся.

— Я не хотел просыпаться, — буркнул Влад.

— Никто не хотел. Но раз приехал — значит, позвали.

Влад замолчал. В голове вертелись обрывки разговоров: старик в больнице, дядя Вася, Гриша-сосед. Все они говорили что-то про пробуждение, про Аркаим, про «тебя позвали». А он думал, что это метафоры. Оказалось — нет.

Он просидел на траве до вечера. Группа ушла на экскурсию дальше, потом вернулась, потом уехала на автобусе в гостиницу. А Влад остался. У него была палатка — маленькая, одноместная, которую он купил пять лет назад и ни разу не использовал.

Поставил её на краю поля, подальше от основных троп. Залез внутрь, расстелил спальник, достал тушёнку и хлеб.

Есть не хотелось. Хотелось понять, что происходит.

Он вылез из палатки. Ночь спустилась быстро — в степи темнеет мгновенно, как будто кто-то выключает свет. Звёзды зажглись — яркие, крупные, низкие, почти можно достать

рукой.

И земля... земля гудела.

Влад лёг прямо на траву, прижался спиной к земле. И почувствовал пульс. Не свой — чужой. Огромный, медленный, как сердце спящего великана. Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

— Это земля, — прошептал он. — Земля живая.

Он закрыл глаза. И сквозь веки увидел тот же голубой свет — только теперь он шёл не от камней, а отовсюду. Из земли, из неба, из звёзд, из него самого. Всё было пронизано тонкими нитями — как проводами, только живыми.

— Я схожу с ума, — сказал он в темноту.

Земля не ответила. Но пульс участился. Или это у Влада участилось сердцебиение?

Он не спал всю ночь. Сидел у палатки, смотрел на звёзды и пытался осознать. Раньше он думал, что мир — это материя. Провода, лампочки, розетки, трансформаторы. Физика, закон Ома, сила тока. А теперь перед ним открывалось что-то другое. Что-то, чему нет названия в учебниках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.